

Карина Родионова

СМОТРИ СЕРДЦЕМ-2
*Целительница
для Князя*

18+

Карина Родионова
Смотри сердцем - 2.
Целительница для Князя

<https://litres.ru/74619364>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда твою любовь предали? Бежать подальше от предателя и пытаться заново отстроить свою жизнь. Без него. Вот только готов ли предатель мириться с твоим побегом?

Вторая книга дилогии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	58
Г	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Карина Родионова

Смотри сердцем - 2.

Целительница для Князя

Глава 1

Алиса

На поверхности кофе в фарфоровой чашке дрожали мелкие, часто бьющиеся круги. Столик подрагивал в такт мерному ходу корабля, рассекающего волны. Мы с Марией Алексеевной, которая настоятельно просила звать ее просто Машей, сидели на верхней палубе под легким парусиновым навесом. Мы пили ароматный кофе и хрустели рассыпчатыми миндальными печеньями — маленькими, таящими во рту.

За неделю морского пути мы с Машенькой успели породниться. Эта девушка, старше меня всего на три года, была удивительной. В отличие от шумной и ветреной Инессы, Маша казалась хрупкой, тихой и бесконечно глубокой, как море за бортом.

Рядом с ней мне было по-настоящему уютно. Нас совершенно не тяготило общение, но, что еще ценнее, нам не нужно было заполнять тишину пустыми словами. Нам было комфортно молчать. Чем мы сейчас и занимались: пили кофе,

смотрели на бесконечную синеву и подставляли лица теплому, ласковому солнцу.

На мне было легкое платье из тонкого льна, но с длинным, до самого запястья, рукавом. Южная жара начинала томить, но я не меняла платье на более легкое. Тактичная Маша ни разу не спросила, почему в такой зной я не перейду на сарафаны. И это было прекрасно. Мне не хотелось врать, а объяснять, откуда на моем предплечье взялась эта странная, будто выжженная магией татуировка... не хотелось вдвойне.

Я не сразу ее заметила. Сперва была суета дороги в компании Ярославских, потом полутемная комната на постоялом дворе, где я с трудом переодевалась в мальчишечий костюм. Все это время мне было не до собственных рук. Татуировку я обнаружила уже в Школе, когда после долгих посиделок с соседками ушла принимать душ и наконец-то осталась наедине с собой.

Я не видела, как именно она проступила на коже, но магическую природу метки поняла мгновенно. Это был знак брачного ритуала. И почему он появился — тоже поняла. Мы подтвердили магический брак. Изящный цветок орхидеи, сквозь лепестки которого пронзительно била молния, был вписан в идеальный круг. Метка располагалась на внутренней стороне руки, ровно посередине между локтем и запястьем. Я даже не пыталась ее оттереть или свести зельями — итак было ясно, что это бесполезно. Такая татуировка исчезнет лишь со смертью одного из супругов.

Теперь мне приходилось ходить только в закрытых платьях, скрывая то, что было бы невозможно объяснить не то что посторонним, но и самым близким людям.

А в моей жизни было столько тайн, что они потянули бы на несколько увесистых томов. Обида и жгучая боль, захлестнувшие меня тогда, когда я увидела княжича Инвара в недвусмысленной близости с Зариной, теперь казались мне мелочью. По сравнению с тем, что я вспомнила о своей прошлой жизни, это было лишь царапиной. Там, в прошлом, я была графиней Александрой. У меня была сытая, комфортная, но пустая жизнь, пока княжич Инвар не решил меня использовать. И мой карточный домик полетел в тартарары.

Потеряв память, я потеряла свое прошлое, превратившись в никем не замеченную слепую монашку Осанну. Но, видимо, высшие силы решили, что с меня хватит. На этом тернистом пути мне встретились люди, которые не отвернулись. Они помогали, учили, буквально по крупичкам собирали мою волю и делали из меня сильного человека.

Больше я не зависела от титула и денег папочки. Мне больше не нужно было выходить замуж за мужчину, который меня не только не любит, но и откровенно презирает. Я теперь сама по себе. Самодостаточная, сильная личность. И теперь я еду в другую страну. Туда, где нет Инвара Вяземского. Где никто не знает ни надменной графини Домбровской, ни жалкой слепой монашки Кораблевой. Теперь у меня другое имя, другой образ и другая жизнь.

Неделя пути на корабле прошла на удивление комфортно. Судно было новейшим, оснащенным магическими артефактами, которые гасили качку и поддерживали идеальный микроклимат как для команды, так и для пассажиров. Кормили здесь отменно, а удобства в каютах ничем не уступали столичным отелям. Машенькин супруг не поскупился: он выкупил для любимой жены и ее компаньонки лучшие каюты на лучшем лайнере, идущем из Приморска в южную Руанду.

Завтра мы причалим к берегу, а еще через несколько часов тряски в удобной карете доберемся до небольшого курортного городка, где и располагался нужный нам санаторий.

Алиса Онтарио, прибывающая на отдых в качестве компаньонки Марии Алексеевны, ни внешне, ни внутренне не напоминала ни графиню, ни монашку. Я решительно обесцветила волосы: из жгуче-черных они превратились в светло-русые, а после обработки специальным алхимическим составом начали забавно виться легкими локонами. Алиса носила платья светлых, радостных тонов, современные и стильные. Да, карие глаза остались при мне, но монашку Осанну мало кто видел с открытыми глазами — они были закрыты повязкой. Ну а с толстушкой Александрой — моим прежним обликом — нас вообще было сложно сравнивать, общего не осталось почти ничего. Разве что шрамы на душе, которые, предательски ныли, стоило мне увидеть высокого темноволосого мужчину.

В санатории нас поселили в просторный люкс из трех комнат: две спальни и общая гостиная с видом на сад. Едва распаковав вещи, мы отправились гулять к морю. Конечно, в Приморске тоже было море, но там царил порт: грязный, шумный, пахнувший рыбой и мазутом. А тут... Тут был рай. Ухоженные пляжи с белым песком, уютные беседки, увитые плющом, скамейки в тени пальм. Вдоль прибрежной полосы гуляли отдыхающие в легких нарядах, на каждом углу продавали фруктовое мороженое, а где-то вдали негромко и мелодично играла лютня.

Моя «работа» компаньонкой все больше походила на сладкий отдых. Я наслаждалась покоем, читала книги, вдыхала соленый бриз и потихоньку залечивала душевные раны. А то, что в каждом высоком мужчине с темными волосами мне на секунду виделся Инвар... Что ж, это ничего. Это пройдет. Когда-нибудь. Наверное.

В санатории я вернула себе привычку к утренним пробежкам. Вставала чуть свет, надевала удобные брюки и тунику, выбегая на широкую дорожку, идущую вдоль прибоя. В первое же утро выяснилось, что я не единственная жаворонок. Навстречу мне бежал мужчина. Увидев его силуэт на фоне ослепительно яркого солнца, я почувствовала, как мое сердце предательски екнуло, а дыхание сбилось — я снова приняла его за Инвара. Но когда он поравнялся со мной, я выдохнула. Мужчина оказался гораздо старше, с легкостью в движениях и добрыми морщинками у глаз. С тех пор мы

каждое утро пересекались на дорожке, обязательно улыбались и кивали друг другу.

А на третий день я встретила его уже не на пляже.

Маша приехала в санаторий не просто загорать. Ей требовалось восстановить организм, измученный тяжелой беременностью и преждевременными родами. И, что еще важнее, привести в порядок нервы. Потеря ребенка ввела мою подругу в глубокую депрессию, и ее муж, искренне любящий ее, бил во все колокола, лишь бы вернуть ей вкус к жизни. Так что посещения местного мага-целителя входили в обязательную программу.

В первый ее визит я сидела в коридоре, а во время второго, когда мы ожидали доктора в холле, к нам неожиданно подошел мой давешний знакомый бегун. Вблизи он оказался еще более приятным: седоватые виски, теплая улыбка и спокойный, уверенный взгляд. Он тепло поздоровался с Машей, и та тут же нас представила:

— Доктор Донелли, это Алиса, моя подруга и компаньонка.

— Та самая девушка, что бежит по утрам против ветра? — с легкой улыбкой спросил целитель.

— Вы знакомы? — удивленно вскинула брови Маша.

— Не совсем, — тут же пояснила я, чувствуя, как щеки слегка розовеют. — Просто пересекаемся на беговой дорожке.

После приема доктор Донелли, к моему легкому смущению

нию и Машину восторгу, пригласил нас выпить кофе в соседнем кафе.

— Вы — маг-целитель? — не удержалась я от вопроса, когда нам принесли ароматный напиток. — У нас в Витании такие маги — большая редкость. Их услуги стоят целое состояние, а найти их можно разве что в столице. Как так получилось, что вы работаете в небольшом курортном городке?

— Совершенно случайно, — рассмеялся доктор, размешивая сахар в чашке. — Много лет назад я приезжал сюда просто отдохнуть от столичной суеты. И вдруг встретил тут свою Берту. Влюбился как мальчишка, женился, вот и остался.

— Вы женаты? — ахнула Маша, и я увидела, как в ее глазах мелькнула искра неподдельного интереса.

— Да, и, представьте, у меня целая орава детишек. Два сына-близнеца, им по три года, и дочка-пятилетка.

— Это здорово! — искренне восхитилась я.

— Да, шумно, но счастливо, — кивнул он, а затем добавил более деловым тоном. — Хотя переезд в столицу мы все же планируем. У меня недавно умерла тетя в Паркансе, оставила в наследство большой дом. Мы с женой решили, что с тремя детьми там будет просторнее. Меня уже приняли на работу в одну из столичных больниц. Через несколько недель, когда я вступлю в права наследования и мы уладим переезд, я выйду на новое место.

— Так вы скоро уедете? — разочарованно протянула Ма-

ша. — И у меня сменится врач?

— Ну, во-первых, это будет не скоро, впереди еще больше месяца, — успокаивающе поднял руку доктор. — А во-вторых, из отпуска как раз выйдет другой врач. Очень квалифицированный и опытный специалист, поверьте мне, вы ничего не потеряете!

— Ну хорошо, коли так, — выдохнула Маша, но я видела, что она уже строит в голове другие планы.

Когда мы вернулись в свой номер, подруга тут же начала сокрушаться, ходя из угла в угол:

— Как жаль, Алиска! Он женат, и даже с детьми! А я так надеялась, что познакомлю вас поближе, вы сблизитесь... Он ведь хороший, надежный!

Я смотрела на нее, слушала этот искренний, полный заботы лепет, и еле сдерживалась, чтобы не ляпнуть, что я, вообще-то тоже замужем. И что моя «вторая половинка» сейчас, вероятно, где-то далеко, даже не подозревает о моем существовании в этом обличье, но магическая нить, вплетенная в мою кожу, предательски и слабо пульсирует в такт моему сердцу.

Глава 2

Инвар

Покушение на императора удалось предотвратить. Мало того, благодаря своевременно добытой информации, мы с графом Пинским не просто сорвали теракт, но и взяли исполнителей, а заодно и организаторов, тепленькими. В деле Антонцева-старшего появились неоспоримые улики. Старик сломался и признался во всем, даже взял на себя вину за букет с отравляющим газом, предназначенный для моей «будущей жены». Но я, как человек, привыкший копать до самого дна, видел: Антонцев был лишь ширмой. Кто-то очень сильный, влиятельный и осторожный управлял всем этим исподтишка. И вычислить этого теневого кукловода пока не удавалось.

Император был настолько доволен результатом, что, не дожидаясь очередных заслуг, пожаловал мне внеочередное звание генерала госбезопасности. Новые звезды на погонах казались не наградой, а свинцовым грузом, давящим на плечи.

Когда я, шатаясь от усталости, переступил порог княжеского дворца, в голове стучала лишь одна мысль: Осанна. Мне нужно было ее увидеть. Услышать ее голос, убедиться, что она в безопасности, просто побыть рядом. Но в ее комнатах было пусто.

Я рванул в кабинет, где меня уже поджидал секретарь.

— Барон Ярославский со всем своим семейством и сопровождающими отбыл еще вчера днем, — доложил Лёнечка, нервно теребя пуговку на мундире.

— А Осанна? — голос мой прозвучал хрипло.

— Отбыла вместе с бароном.

— И ничего не оставила? Ни сообщения, ни записки для меня?

Лёнечка виновато развел руками:

— Нет, ваша светлость. — Если вы про госпожу Осанну, — вдруг нагло встрял в разговор стоящий у двери охранник, — то она приходила к вам вчера утром.

Я замер.

— Приходила? Но ведь я все утро был в кабинете, я хорошо помню всех приходящих.

— Да, но у вас в это время была госпожа Зарина, — охранник пожал плечами. — Госпожа Осанна сперва хотела подождать в приемной. Посидела немного, а потом вдруг вспомнила про какое-то срочное дело, встала и сразу ушла. Даже не стала спрашивать, сколько вы будете заняты.

— Понятно. Спасибо, — бросил я и тяжело опустился в кресло.

Осанна была здесь. Она хотела со мной поговорить. А потом узнала, что я занят Зариной, и не стала даже ждать. Что-то она поняла? Хотя... увидеть она не могла. Но могла *услышать*. Говорят, у слепых обостренный слух, компенсирую-

щий нехватку зрения. Что она могла услышать за закрытой дверью? Звон бокалов? Смех Зарины? Или мой собственный голос, когда я, дурак, отвечал ей на какие-то глупости? От этой мысли меня просто вывернуло наизнанку.

На следующее утро, наконец выспавшись после бессонной ночи, я первым делом отправился в душ. Горячая вода смывала усталость вчерашнего дня. Я вытерся полотенцем, подошел к зеркалу и вдруг замер.

На моем предплечье, там, где вчера была лишь чистая кожа, проступал темный, четко прорисованный узор. Цветок орхидеи, пронзенный молнией, вписанный в идеальный круг. Брачная метка.

Я провел по ней пальцем. Кожа не болела, но магический фон вокруг рисунка слабо, но отчетливо пульсировал. Когда и почему она проявилась? Жену свою я в последнее время даже не видел, не то что консультировал брак. Что-то произошло. Что-то заставило магию отозваться.

Наскоро глотнув остывшего кофе, я велел секретарю срочно вызвать Петровского.

С Женькой Петровским мы были дружны, что называется, с горшка. Точнее, с детства наших матерей. Когда две подруги, выйдя замуж за витанцев, перебрались в столицу, они сдружились еще сильнее. Поэтому, несмотря на пять лет разницы в возрасте, мы с Евгением всегда держались вместе. А повзрослев, сошлись и на профессиональной почве: оба выбрали службу безопасности. Я пошел к дяде Владимиру

Пинскому в имперскую канцелярию, а Женьку взял под крыло мой отец. Со временем Петровский, благодаря своему уму и хватке, дорос до руководителя всей дворцовой охраны.

Дверь кабинета отворилась без стука.

— Звал? — не очень вежливо спросил Евгений Михайлович, даже не поздоровавшись.

— Угу... Жека, закрой дверь. И не в службу, а в дружбу. Дело есть, помощь твоя нужна.

— Да кто б сомневался! — хмыкнул Женька, плюхаясь в кресло напротив. — Ты мне наконец объяснишь, что за дичь происходит в твоей жизни? Откуда жена вдруг взялась, я чего-то не в курсе? И что за нездоровый интерес у тебя к слепой монашке? Не слишком ли много баб вертится вокруг тебя, княжич? Каковы твои взаимоотношения с ними, и главное — когда ты начнешь отвечать за свои слова?

Сам Женька, как с горечью утверждала его мать, был женат на своей работе. Несмотря на то, что ему стукнуло тридцать три, жениться он не планировал, а в романтических связях замечен не был. «Некогда ерундой маяться», — отшучивался он. Поэтому к моим метаниям и сложным отношениям с прекрасным полом он относился без понимания, приправляя все это изрядной долей сарказма.

Ему-то везло: родители не осаждали его невестами, а вопрос наследников успешно решали его младшие брат и сестра, исправно поставляя старшим родственникам внуков.

Мне импонировал его разумный, почти хирургически хо-

лодный подход к жизни. Именно такая безэмоциональная логика мне сейчас и была нужна. Но чтобы он мог помочь, придется выложить все карты на стол. Без утайки.

— Понимаешь, какое дело... — я тяжело выдохнул. — Помнишь, мы с дядей Пинским ездили в Витанию заключать мою помолвку с Домбровской?

— Это когда твоя невеста трагически погибла? Конечно, помню. Весь двор гудел.

— Дело в том, что там не было помолвки. Мы заключили магический брак. Но консумировать его не успели из-за ее... «смерти». Формально Александра была мне не невестой, а женой. И, похоже, не просто была, а есть.

Женька медленно моргнул, откидываясь на спинку кресла.

— Ты считаешь, что она осталась жива?

— У меня есть все основания так полагать. Во-первых, реакция брачного кристалла во время ритуала с Инессой. Он не просто засомневался, он криком кричал, что я уже женат и что жена моя жива.

— Допустим. А во-вторых?

— А во-вторых, посмотри вот на это, — я задрал рукав рубашки и продемонстрировал ему предплечье.

Петровский наклонился ближе, его глаза расширились. Он тихо присвистнул:

— Брачная метка? Инвар, она же появляется только после полного подтверждения союза!

— Да. И я тоже не до конца понимаю, почему она проступила именно сейчас. Возможно, попытка Инессы провести очередной, пусть и кривой, ритуал магического бракосочетания так повлияла на магический фон. Магия отозвалась на угрозу и «закрепила» настоящий брак.

— Угу. Звучит как бред, но в магии я не силен, — Женька потер переносицу. — И что ты собираешься делать?

— Искать жену.

— Ну хорошо, найдешь. И что потом?

— Расторгнуть брак, конечно. Та помолвка, то замужество — это была большая глупость, назло родителям и в угоду политике.

— И зачем тебе его расторгать? — Женька посмотрел на меня как на сумасшедшего. — Это же идеально! Отстанут от тебя с матримониальными планами все эти родители девиц на выданье. Скажешь: «Извините, сердце отдано».

— Мои родители не отстанут. Им плевать на магические нюансы, им нужны живые наследники престола.

— Ну так сделай с ней наследников! Ты же муж!

— А тут мы как раз возвращаемся к вопросу об Осанне.

— Не понял, — Женька нахмурился. — Она-то тут при чем?

— Я на ней жениться хочу, — впервые за все время я произнес это вслух, глядя другу прямо в глаза.

В кабинете повисла тишина. Женька смотрел на меня долго, внимательно, а потом тяжело вздохнул:

— Ты с дуба не рухнул, приятель? Да кто ж тебе даст на ней жениться? Непонятно откуда взявшаяся, слепая девчонка, без роду, без племени, живущая при монастыре. Твои родители тебя просто лишат титула.

— Тут есть свои плюсы в том, что никто не знает ее прошлого. Значит, мы можем это прошлое создать.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну можно заплатить какому-нибудь обедневшему аристократу из дальнего захолустья, чтобы он вдруг, рыдая, опознал в Осанне свою потерянную много лет назад дочь. Дадим ей красивое имя, легенду...

— Скользкая тема, Инвар, — Женька покачал головой. — Это же госбезопасность, мы же сами такими делами занимаемся. Фальшивые документы, подставные лица — это все вскрывается при первой же серьезной проверке родословной. Может раскрыться.

— Нужно просто все как следует продумать. Задействовать людей, которым я доверяю. Тебя, например.

— Даже если мы закроем дыры с документами, твои родители будут не в восторге от такой партии.

— Буду умолять императора, чтобы он лично позволил мне этот брак и надавил на родителей. Тогда им будет некуда деваться.

Женька откинулся в кресле и громко рассмеялся, хотя смех был безрадостным:

— Круто ты попал, брат! Неужто такая любовь незем-

ная вдруг возникла? Девочка, конечно, ничего, симпатичная, умненькая, но до такой степени влипнуть? Тебя точно ничем не опоили?

— Ты знаешь, что на мне висит столько защитных артефактов, что это практически невозможно. Кстати, о зельях. Тут на днях, как раз перед несостоявшейся свадьбой, Милана вино приносила. В нем был мощнейший афродизиак и еще какая-то дрянь, усиливающая желания.

— Опять в постель затащить хотела?

— Явно. Я образец вина взял на анализ, но саму бутылку как вещдок оставить не мог, к сожалению. Там не только ее пальчики.

— Чьи же еще?

— Осанны. Она после того, как Милана устроила свой «ритуал», вломила ко мне в покои. Кричала, ругалась, схватила бутылку и выпила оттуда немного... Полбутылки почти.

Женька хохотнул, представляя картину:

— И к чему это привело?

— А вот это уже, извини, не твое дело, — буркнул я, чувствуя, как уши предательски горят.

— Да ладно, догадываюсь. И после этого ты решил на ней жениться?

— После этого она уехала. На следующий день, вместе с Ярославскими.

— О как! Не понравилось?

— Да все было супер. Я даже предложил ей остаться. Но она не согласилась.

— И в качестве кого ты предложил ей остаться? — Женька подался вперед, его голос стал жестким. — Очередной подстилкой типа Зарины? Типа вакантное место освободилось? Ты понимаешь, что она — не Зарина? Ты хоть головой думал, когда это говорил?

— Я предложил ей остаться в качестве любимой женщины! — огрызнулся я.

— Красиво называется, но суть от этого не меняется, — отрезал Петровский. — Ты сначала позволил своей фаворитке оскорбить ее в твоём доме, а потом предложил стать такой же фавориткой. Неудивительно, что она не осталась. Она гордая, Инвар. И у нее есть достоинство. Чего, видимо, не хватает тебе.

Я молчал, потому что он попал в самую точку.

— Вот поэтому я и придумал эту схему с подставными родителями-аристократами, — наконец выдал я. — Чтобы дать ей статус, который мои родители не смогут просто так отвергнуть.

Женька долго смотрел на меня, потом тяжело вздохнул и поднялся с кресла.

— Сомнительные у тебя авантюры, княжич. Ну да, как говорится, если не можешь предотвратить безобразие — придется его возглавить. Ну или в данном случае хотя бы поучаствовать, чтобы ты поменьше глупостей натворил, — он

протянул мне руку. — Спасибо, что рассказал. Я с тобой.

— Спасибо, друг! Ты не представляешь, как мне нужна твоя помощь!

— Представляю, — хмыкнул Женька. — Так и какой у нас план?

— В первую очередь мы едем в Приморск. Ярославские сейчас там. И Осанна там.

Глава 3

Алиса

Мы по-прежнему регулярно пересекались с господином Донелли на утренних пробежках, хотя он давно и настойчиво просил звать его просто Эрвином. Нет, никаких романтических отношений между нами, конечно же, не было и быть не могло. Эрвин был счастливо женат, просто боготворил свою БERTУ и обожал своих троих детей. Да и я в нем видела только прекрасного, надежного друга.

Такой расклад меня более чем устраивал. Хватит с меня уже любовных треугольников, страстей и разбитых сердец. Мне до тошноты хотелось простой, даже немного обыденной жизни, без надрыва и разочарований.

Машенька, к моему бесконечному облегчению, шла на поправку. Уж не знаю, что именно повлияло больше — золотые руки доктора Донелли или сама целебная обстановка южного берега, но она понемногу начала выбираться из своей темной раковины. В её глазах снова появился свет, она стала улыбаться, с интересом глядя на окружающий мир и охотно общаясь с людьми. Физически она тоже заметно окрепла. На хорошем, свежем питании у неё слегка округлились плечи, на бледных щеках проступил здоровый румянец, а кожа приобрела легкий оттенок загара. Она перестала напоминать то

хрупкое, почти прозрачное умертвие, которое я увидела при нашей первой встрече.

Единственное, что по-прежнему омрачало её настроение, — это разлука с мужем. Олег Матвеевич писал ей длинные, полные любви письма, сообщая, что новая мануфактура успешно запущена, дела идут в гору и он вот-вот сорвется с места, чтобы отправиться к любимой жене. Где-то через неделю нам стоило его ожидать. Эта мысль несказанно радовала и воодушевляла Марию, она буквально расцветала с каждым полученным письмом.

Месяц, проведенный в санатории, благотворно повлиял и на мое душевное состояние. Шрамы на сердце затягивались, хотя иногда, по ночам, они всё ещё ныли. Я до сих пор испытывала острую боль, вспоминая Инвара и ту сцену, как я застала его в объятиях любовницы перед моим отъездом.

Но теперь к этой боли примешивался холодный, отрезвляющий гнев. Я вспомнила всё. Вспомнила, как он цинично отзывался о графине Александре перед тем, как жениться на ней. Как спокойно планировал сослать её... то есть *меня* в глухой монастырь, предварительно отобрав ребенка.

Кстати, о монастыре. Теперь, оглядываясь назад, я понимала, что он оказался вовсе не тем страшным местом, которым я его себе представляла. Там тоже жили люди, и порой даже получше, добрее и честнее некоторых аристократов. Но *отобрать у меня ребенка*... Вот за это я никогда и ни за что не прощу Инвара. Вот поэтому я никогда не вернусь. Ни к

нему, ни к отцу с мачехой.

К отцу я не хотела возвращаться по вполне понятной причине: он первым делом упакует мои вещи и вернет меня законному мужу. Он уже однажды выдал меня замуж, не особо интересуясь моим мнением, и вряд ли теперь станет церемониться.

Я ничего не знала о том, как сейчас живет моя семья в Витании. Пытаться что-то узнать было рискованно. Инвар и так уже, видимо, догадался, что Александра выжила — иначе с чего бы вдруг проявилась брачная метка? Если я проявлю хоть малейший интерес к прошлому, это может стать фатальной ошибкой. Поэтому я решила пока затаиться, залечь на дно и переждать.

Насчет дальнейших планов я для себя решила твердо: возвращаться в Витанию мне сейчас категорически не стоит. У Инвара слишком обширные связи в полиции, да и сам он, на минуточку, генерал госбезопасности. Вычислит меня махом, несмотря на другие документы, обесцвеченные волосы и весь этот маскарад. Так что по окончании контракта я планировала отправиться в Парканс — столицу Руанды. Устроюсь туда гувернанткой, медсестрой или еще кем-нибудь, и пережду в этой южной стране хотя бы несколько ближайших лет. А там видно будет.

Меня всё чаще посещала мысль пойти обучиться на лекаря или хотя бы на помощника. У меня были кое-какие сбережения, которые позволят мне некоторое время продержаться

ся на плаву безбедно. Работа телохранителя и компаньонки мне уже осточертела. Хотелось делать что-то реально полезное, исцелять, а не калечить. Хотелось быть нужной не богатым капризным дамам, а тем, кто действительно нуждается в помощи.

— Алиса, ты идешь завтракать? — позвала меня Маша, заглядывая в гостиную.

— Пожалуй, нет, — глухо отозвалась я из туалетной комнаты, судорожно сглатывая подступившую тошноту. — Что-то я не то съела вчера, плохо себя чувствую.

— Странно. Я ела то же самое, но всё в порядке.

— Может быть, индивидуальная непереносимость какой-нибудь местной специи... Можешь мне принести с завтрака какой-нибудь фрукт? И, может быть, немного минералки без газа?

— Хорошо, но я думаю, тебе стоит обратиться к доктору Донелли, — заботливо сказала Маша. — Он прекрасный целитель, поможет тебе.

— Да, пожалуй, схожу к нему. Я сегодня даже на пробежку не пошла... от одного вида ботинок для бега меня тошнит.

К счастью, у кабинета Эрвина не было очереди, и я довольно быстро зашла к нему на прием. Он выслушал мои жалобы, внимательно посмотрел на меня и попросил сесть в удобное кресло. Закрыв глаза, его ладони засветились мягким, теплым светом, и он начал сканировать мое тело магией. Через несколько минут он открыл глаза, странным обра-

зом на меня посмотрел и предложил переместиться за столик, где уже стояла чашка дымящегося мятного чая.

— Выпей, должно немного помочь, — спокойно сказал он.

— Не зашел какой-то продукт? — спросила я, жадно глотая обжигающий, но такой приятный чай. — Или какую-то местную болезнь подхватила?

— Нет. Не в этом дело. Ты не болеешь, Алиса.

— И что же со мной тогда?

Эрвин слегка подался вперед, его голос стал мягче:

— Алиса, у меня к тебе довольно личный вопрос. Ты замужем?

Я слегка оторопела от такой неожиданной постановки вопроса. Тем более что Эрвин никогда раньше не лез в мою личную жизнь.

— Нет. А это важно?

— Тогда, возможно, у тебя есть жених и вы собираетесь пожениться в ближайшее время?

— Нет, и жениха нет. При чем тут это вообще?

— Ну хотя бы при том, Алиса, что ты беременна. Срок... примерно месяц-полтора.

Чашка в моей руке предательски задрожала, и несколько капель чая пролились на стол. В ушах зашумело.

— Шесть недель... — выдохнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— То есть ты точно знаешь, когда это могло произойти?

— внимательно глядя на меня, спросил он.

— Да уж... без вариантов.

— Отец ребенка...

— Будем считать, что у него нет отца, — резко, может быть даже грубо, оборвала я, чувствуя, как к глазам подступают непрошеные слезы.

— Понятно, — Эрвин тактично опустил взгляд. — Что ты планируешь делать с беременностью?

— А что с ней можно сделать? — я провела ладонью по лицу. — Вынашивать. Рожать.

— Ну, есть варианты прерывания. На этом сроке это можно сделать без нехороших последствий для здоровья с помощью мягкой магии. Если ты в сложной ситуации...

— Нет! — я так резко дернулась, что чай снова расплескался. — Это не вариант. Я буду вынашивать и рожать.

— Я понял, — Эрвин поднял на меня спокойные, мудрые глаза. — Я помню, что ты говорила, будто у тебя нет родных. Отец ребенка... ну его, похоже, тоже нет. Что ты собираешься делать?

— Вынашивать и рожать, — упрямо повторила я, цепляясь за эту мысль как за спасательный круг.

— Это я уже услышал, — уголки губ Эрвина дрогнули в легкой улыбке. — А на что ты жить это время собираешься?

— У меня есть кое-какие сбережения. Да и Олег Матвеевич вот-вот приедет и рассчитается со мной за работу. Я сильная, Эрвин. Я справлюсь! — уверенно, насколько это

было возможно в моем состоянии, заявила я.

— В этом я не сомневаюсь, Алиса. Ты одна из самых сильных людей, которых я знаю. Но... думаю, у меня будет к тебе кое-какое предложение. Однако я хочу сперва обсудить это с Бертой. Подойдешь ко мне завтра в конце моего рабочего дня?

— Хорошо, — озадаченно ответила я, совершенно не понимая, что он может мне предложить.

Эрвин выписал мне какие-то травяные капли, которые помогут справляться с тошнотой, расписал подробную диету, дополнительно указав на необходимость режима сна и отдыха.

— И, пожалуйста, постарайся не нервничать. Тебе сейчас это категорически противопоказано, — добавил он, провожая меня к двери. — Если будешь чувствовать, что сильно переживаешь, скажи мне. Я пропишу тебе легкие успокоительные, которые можно даже беременным.

Я поблагодарила целителя и, слегка ошарашенная, вышла из кабинета. В номер возвращаться не хотелось — там Маша, там вопросы. Я неспешно дошла до берега моря, села на прохладную каменную скамейку и устремила взгляд к горизонту.

Казалось бы, стоило ожидать такого исхода. Инвар однажды вскользь бросил, что забеременеть от него может только жена, прошедшая с ним ритуал магического брака и разделившая с ним постель. Но на тот момент, когда он это го-

ворил, я еще не знала, что яи есть та самая жена. А когда вспомнила всё... сделать поправку на это обстоятельство я попросту не сообразила. Да моя голова была занята совсем другим — я старательно пыталась выбить из себя все мысли о княжиче, стереть его из своей памяти.

Тем не менее, хоть эта новость и обрушилась на меня как снег на голову, мысль о ребенке вдруг начала согревать меня изнутри. Да, я буду одна. Да, мне придется очень непросто, придется пахать как проклятой. Но у меня будет *мой* малыш. Мое маленькое солнышко. Сероглазое, почему-то подумалось мне. И сама мысль об этом крошечном существе, которое сейчас зарождалось внутри меня, грела душу лучше любого южного солнца.

Я осторожно положила ладонь на пока еще совершенно плоский живот и подняла лицо навстречу теплему, соленому ветру. Было ли мне страшно? Да, конечно. До дрожи в коленях. Была ли я счастлива? Пожалуй... да. И теперь мне точно, категорически нельзя возвращаться в Витанию. Чтобы ни дай бог о ребенке не узнал Инвар. Чтобы он не узнал и не попытался забрать его у меня, руководствуясь своими княжескими амбициями и жадой наследника.

Когда я вернулась в наш номер, Маша кинулась мне навстречу, едва заведя меня в дверях:

— Что сказал доктор? Ничего страшного, надеюсь? Лечение назначил? Диету прописал?

— Ничего страшного, Маш, — выдохнула я, снимая шля-

пу. — Я просто беременна.

Я не собиралась скрывать свою беременность от Марии. Во-первых, она сама еще совсем недавно прошла этот этап и всё равно очень скоро всё поняла бы по моим реакциям и изменившемуся меню. Во-вторых, с кем еще поделиться этим, если не с подругой?

Маша замерла. Ее глаза наполнились слезами — видимо, память о её собственном, утраченном ребенке снова кольнула сердце, — но она тут же бросилась меня обнимать.

— Ох, Алиска... Какой срок?

— Шесть недель.

— Это что же получается... ты тогда от него уезжала? Поэтому ты была такая грустная и потерянная все это время? Вы расстались?

— Да по большому счету, мы и не были вместе, — горько усмехнулась я. — Просто так получилось.

— Скажешь ему?

— Нет! — отрезала я, и в моем голосе прозвучала такая сталь, что Маша даже вздрогнула. — Это мой ребенок. И только мой.

Кстати, Маше даже в голову не пришло спросить, собираюсь ли я оставить ребенка. Для неё это было настолько очевидным, словно других вариантов и не существует вовсе. И я была бесконечно благодарна ей за это молчаливое принятие.

— Ты его любишь? — тихо спросила она.

— Ребенка? Конечно!

— Нет, его отца.

— Это не важно, Маш. Важно то, что для него я — лишь мимолетный эпизод. У него другая женщина.

— Женат? — по-своему поняла она, в её глазах мелькнуло возмущение.

— Да! — честно ответила я.

Ну, в принципе, так оно и есть. Женат. На мне. Но в наших отношениях всё настолько запутано, извращено и переплетено магическими нитями, что проще соврать, чем объяснить.

— Понятно, — грустно выдохнула подруга, поглаживая меня по спине.

Ей даже в голову не пришло осуждать меня за связь с чужим мужчиной. Маша вообще была лишена ханжества. Если я была с ним, значит, на то были причины, значит, так было нужно.

— Я поговорю с Олежкой, ты можешь пожить пока у нас, — тут же кинулась прорабатывать варианты эта добрая душа. — У нас большой дом, места хватит, я помогу...

— Нет, прости, Машенька. Но я не вернусь в Витанию. Буду устраиваться тут, в Руанде.

— Но как же ты одна...

— Да что вы все заладили — одна, да одна! — невольно усмехнулась я, снова прикладывая руку к животу. — Не одна я уже. У меня есть мой малыш. И у меня теперь есть, ради кого быть сильной и стойкой. Я справлюсь, поверь мне.

— Тогда хотя бы пиши мне письма, — упрямо сказала она, вытирая слезы. — Понимаю, что разговоры через переговорный артефакт слишком дорогие, а тебе теперь ребенка содержать. Поэтому хотя бы письма пиши. Каждую неделю.

— Обязательно. Да и что ж ты со мной уже прощаешься! Мы пока рядом и, как минимум, неделю еще будем вместе!

— И то верно! — просияла Маша, хватая меня за руку. — Пошли гулять! Тебе надо больше дышать свежим воздухом, ходить, но не переутомляться! Я тебе сейчас рацион пересмотрю, у нас на кухне договорюсь...

Смотря на её суеязущуюся, внезапно преобразившуюся фигуру, я не могла сдержать улыбки. У меня было такое ощущение, что это не меня наняли её компаньонкой, а она только что официально назначила себя моей сиделкой, нянькой и личным диетологом в одном лице. И, честно говоря, мне это очень нравилось.

Глава 4

Инвар

После раскрытия заговора император был настолько доволен работой княжича, что, не раздумывая, предоставил ему отпуск на неопределенный срок. Видимо, государь тоже посчитал, что генералу госбезопасности после такого стресса и громкого скандала с отравлением лучше всего временно исчезнуть с глаз столичных сплетников.

Евгения князь отпустил вместе с Инваром. Хотя он и скрипел зубами, лишаясь одного из лучших офицеров дворцовой охраны, но сопротивляться не стал. Решил, видимо, что раз его сын все равно куда-то едет разбираться с личными демонами, то пусть рядом будет надежный человек, который не даст ему наделать глупостей.

В целом, это было даже к лучшему. Пусть за время отсутствия княжича злые языки при дворе немного утихнут. А глядишь, за это время он и правда разберется с этим непонятным магическим браком. Отцу Инвар рассказал лишь половину правды — про Александру Домбровскую и их брак. А вот про Осанну, про свои чувства и безумную идею расторгнуть один брак, чтобы заключить другой, пока промолчал. Решил для себя: найти ее для начала, убедиться, что она в безопасности, а там будем думать, как объяснять это роди-

телям.

В Приморске светить своей известной по газетным статьям и гравюрам физиономией было категорически запрещено. Поэтому, едва сойдя на берег, Инвар нацепил уже знакомый, проверенный грим. На этот раз он был не грязным трудягой с портов, а мелким, незаметным чиновником. Рыжеватая жиденькая бородка, светлые, лезущие в глаза волосы, сутулая спина и дешевый, чуть великоватый мундир. По легенде — помощник Петровского, некий Иван, прибывший по скучным канцелярским делам.

В особняк Ярославских Евгений Михайлович отправился один. К нему вышла старшая служанка, которая выслушала заранее заготовленную легенду: руководитель отдела безопасности князя Вяземского, курирующий расследование попытки отравления баронессы Инессы, проезжал мимо по другим делам и решил заскочить, чтобы уточнить кое-какие детали по делу о злосчастном букете у свидетелей. Какowymi являлись телохранители девушки и ее компаньонка.

— Компаньонки в доме нет, — разочаровала его служанка, вытирая руки о передник. — А вот Демьян как раз тут. Сейчас позову.

Вскоре в холл спустился один из телохранителей. Высокий, плечистый, с внимательным взглядом. Евгений, не меня приветливой маски чиновника, предложил ему:

— Если вас не затруднит, милейший Демьян, могли бы мы пообщаться в более неформальной обстановке? Скажем,

в ближайшей таверне? Там и выпить можно, и поговорить без посторонних ушей.

Демьян не стал уточнять, почему в людном трактире приватнее, чем в богатом особняке. Он лишь кивнул, сходил к дворецкому, предупредил, что отойдет на час, и вышел на улицу вместе с Петровским.

Таверна находилась через дорогу от особняка. В ней пахло жареным луком, хмелем и сыростью. За отдельным столиком в самом темном углу их уже ждал княжич. К счастью, в жалком чиновничьем гриме Демьян его не узнал, хотя риск был огромным. Евгений Михайлович до последнего пытался отговорить Инвара от участия в беседе, но если уж упрямо-му княжичу что-то взбрело в голову, проще уступить, чем пытаться переспорить.

— Это мой помощник, И... Иван, — представил Инвара Петровский, усаживаясь напротив телохранителя.

Демьян равнодушно кивнул и сел за столик. Мужчины некоторое время обсуждали историю с букетом. Евгений задавал наводящие вопросы по делу, на которые телохранители уже отвечали и не раз, но такова была работа «скучного чиновника».

— А что по поводу компаньонки баронессы? Как ее там? Оксана? — спросил Инвар, стараясь, чтобы голос звучал ровно и без эмоций.

— Осанна, — машинально исправил Демьян.

— Да, Осанна. Она же первой обнаружила яд в букете.

Может, мы можем с ней поговорить?

— К сожалению, не получится, — развел руками телохранитель. — Контракт Осанны с бароном закончился сразу, как только мы уехали из дворца князя. Она вышла из нашего экипажа, немного не доехав до Приморска, у какого-то постоянного двора на тракте.

— Как жаль, — продолжал сокрушаться Инвар, сжимая под столом кулаки так, что ногти впились в ладони. — А вы не знаете, может быть, она говорила, где планирует остановиться? Мы бы съездили к ней, поговорили.

— Увы, но я не владею такой информацией. Мы просто работали вместе и своими планами на жизнь не делились.

— Очень интересная девушка, — в свою очередь, небрежно вставил Петровский, играя роль любопытного бюрократа. — Иногда мне казалось, что она вовсе не слепая. И уж точно не монашка.

— Это да! — неожиданно оживился Демьян, подхватывая интересующую княжича тему. — Эта девочка просто уникам. Порой и правда казалось, что она видит больше, чем мы, зрячие. При том, что такое в принципе невозможно. Даже в том, что она притворяется, нельзя было обвинить — на ней всегда была эта плотная, непрозрачная повязка на глазах. Да и набожности особой я в ней не заметил. Но при этом она не кокетничала с мужчинами и вела себя более чем сдержанно. Никакого вот этого ханжества и святошества, знаете, как некоторые «богоугодницы» — этого не делай, туда не

смотри, слова не скажи! Просто нормальная девчонка, без лишних заморочек. Но есть в ней что-то особенное, необычное. Не укладывается в голове.

Инвар слушал его, практически не дыша. Он тоже чувствовал в этой девушке что-то магнетическое, странное, но никак не мог объяснить, что именно. Иногда ему казалось, что это его глупая влюбленность так искажает восприятие. Но вот другой человек, чужой наемник, успевший немного узнать Осанну, говорит ровно то же самое.

Мужчины еще немного обсудили вопросы безопасности дворца. Евгений попросил Демьяна, чтобы, если у того появится какая-то информация о том, как связаться с Осанной, он немедленно известил его. После чего они попрощались, и телохранитель вернулся в особняк.

— Ну, и что теперь? — спросил Женька, когда они остались одни в полутемном зале таверны.

— Тут зацепок нет. Поехали в монастырь, — ответил Инвар, поднимаясь.

— В какой монастырь? — удивился его друг.

— В женский, конечно! Если она монашка, то должна была направиться в обитель.

Дорогу к ближайшему женскому монастырю им объяснил хозяин таверны. Мужчина очень удивился тому, что их интересует именно эта обитель, но лишних вопросов задавать не стал. Однако ехать в монастырь поздним вечером было бы совсем уж неприлично для «чиновников», поэтому путе-

шественники решили заночевать в том самом придорожном постоялом дворе, возле которого, по словам Демьяна, выса-
дилась Осанна.

Постоялый двор оказался шумным, пахнущим конским потом, дымом и жареным мясом. Получив ключи от комнат у стойки портье, Инвар не удержался и наугад спросил управляющего:

— Простите, а не останавливалась ли у вас недели две назад слепая монашка? Девушка с повязкой на глазах.

— Как же, останавливалась, — кивнул упитанный мужик. — Такое у нас нечасто случается, так что я, конечно, запомнил. Тихая такая, скромная.

— И надолго она у вас останавливалась?

— Вроде только на ночь. Во всяком случае, ночь оплатила вперед. Когда она выселилась, я не заметил. Да и на следующее утро у нас столько народу было, не до нее было, некогда отслеживать, кто там и когда выходит.

— А я видела, как из монашкиного номера пацан выходил тогда утром, — вдруг встряла в разговор молодая девушка лет шестнадцати, дочка управляющего, помогавшая отцу. — Очень странно это было. Я еще подумала, что воришка какой-то, но вроде ничего не исчезло, барышня не кричала.

— Какой пацан? — насторожился Петровский, мгновенно включая режим начальника службы безопасности.

— Ну такой... лет четырнадцати-пятнадцати, худенький. Волосы рыжие, брови тоже, картуз на голову натянут, руба-

ха темная, штаны широкие, в сапоги заправлены. Обычный такой пацан. О, глаза еще разглядела — карие. Очень выразительные.

— Карие? — Инвара словно током ударило. Он схватился за край деревянной стойки так, что костяшки пальцев побелели.

— Ну да, — пожала плечами девчонка. — Я еще подумала, что надо же, такие красивые, глубокие глаза и пацану достались. Нет, чтобы девчонке какой.

В ушах у княжича зашумело. Картина, которую он никак не мог сложить в голове, внезапно щелкнула, встав на свои места.

— Боже, какой же я идиот... — выдохнул Инвар, закрывая глаза и тяжело опираясь лбом на прохладное дерево стойки.

Управляющий смотрел на нового постояльца с явной опаской. Ненормальный какой-то. Сначала расспрашивает про монашек, теперь вот головой об столешницу стучит.

Петровский, мгновенно оценив состояние друга, бросил хозяевам медную монету, схватил Инвара под локоть и, почти волоком, увел на второй этаж, спасая его бедовую головушку от дальнейших повреждений и репутацию «Ивана» от краха.

— Ты чего это? — спросил он, едва они оказались одни в тесной, но чистой комнате, и закрыл дверь на задвижку.

— Да пацан этот... который спас меня в тот день, когда

Ярославские приехали на постоянный двор! Помнишь, я тебе рассказывал? Когда меня ударили, и какой-то паршивец позвал дядю?

— Ну, помню. И что?

— Мы потом с дядей его еще раз встретили, где-то через неделю, на тракте. Тогда я смог его получше разглядеть. Вот как девчонка эта описывала: рыжие волосы, рыжие брови, картуз, глаза карие.

— Ну и что, мало ли, совпадение, — пожал плечами Женька, включая свой фирменный скептицизм. — То ж в столице было, до Приморска несколько дней ехать.

— Да не в этом дело! — Инвар нервно зашагал по комнате. — Я тогда и глаза эти успел разглядеть, когда он картуз поправил. А до того... до того я видел глаза Осанны. Снял как-то ее повязку, и рассмотрел глаза. Так вот глаза того пацана и глаза Осанны — один в один! Я тогда еще решил, что умом уже тронулся от потери крови, везде мне ее глаза мерещатся.

— Может, и правда, померещилось? — спросил Петровский, садясь на кровать.

— Угу, только я теперь вспоминаю, что и губы пацана — прямо те же самые. Да и вообще, брови убери, щеки чуть подправь, голос выше сделай — она и будет. А теперь подумай сам, Женька: в номер зашла слепая монашка, а вышел — рыжий пацан. Тебе не кажется это странным?

— Кажется, — медленно протянул Евгений. — Мне во-

обще все, что с этой твоей Осанной связано, кажется странным. И знаешь, я начинаю склоняться к тому, что ты прав — надо ее отыскать обязательно. Только не для того, чтобы ты на ней женился, а для того, чтобы задать ряд жестких вопросов и выяснить, не работает ли она на каких-нибудь заговорщиков. А что? Соблазнила княжича, выведала всю секретную информацию, сбежала. Идеальный шпион.

— Не соблазняла она меня! — надулся Инвар, чувствуя, как задевает эта теория. — Это я все пытался ее соблазнить. Безуспешно, кстати. И если бы не зелье то Миланкино, возможно, ничего бы у меня и не получилось. Кстати, если пацаном тем была Осанна, то она меня тогда и спасла. Ей ведь достаточно было не звать дядю с лекарем, пройти мимо. Я бы довольно быстро сам в том дворе окочурился от потери крови. А она остановилась. Рискнула.

— Все равно все это странно. И ведь пацан тот зрячий был?

— Ну да, зрячий. Во всяком случае, ориентировался в пространстве легко, как обычный человек. Бегал, прыгал.

— Надо будет в столицу депешу моему помощнику отправить, — Женька достал из кармана блокнот и карандаш. — Пусть поищут по описанию, что за пацан, кто его видел, где видел. Граф Пинский может его описать? Он ведь с ним в основном и общался тогда.

— Да.

— Угу, попрошу тогда, чтобы художника прислали, порт-

рет по описанию сделать.

— И заодно с портретом Осанны сравнить бы как-то. Что-то эта загадочная девушка все больше и больше интересуется меня.

— Ты и так уже влюблен в нее по уши, — хмыкнул Петровский, наблюдая за другом.

Инвар остановился у окна, глядя на темнеющий лес за окном. Образ Осанны, которая бросила все, чтобы спасти ему жизнь, а потом неожиданно сбежала, все еще стоял перед его глазами.

— Там есть, за что, — вдруг как-то тихо и мечтательно улыбнулся княжич. — Там есть, за что, Жека.

Глава 5

Алиса

У кабинета доктора Донелли мне пришлось подождать несколько минут, устроившись в удобном кожаном кресле в холле. За окном уже начинало темнеть, и я с интересом разглядывала, как последние лучи закатного солнца окрашивают стены кабинета в тёплые золотистые тона. Наконец, Эрвин вышел ко мне уже без белого халата, в простой домашней тунике и мягких брюках.

— Я поговорил с женой, — сказал он, тепло улыбнувшись и протягивая мне руку, чтобы помочь подняться. — Сейчас мы пойдём к нам домой и вместе обо всем поговорим.

— О чём? — удивилась я, чувствуя, как сердце начинает биться чуть быстрее от волнения.

— Идём, по дороге всё расскажу.

До дома Эрвина идти было с полчаса неспешным шагом. Мы шли по узкой улочке, вдоль которой тянулись невысокие домики с палисадниками, утопающими в цветах. Воздух был напоён ароматом морской соли и цветущего жасмина. Осознание того, что во мне растёт маленькая жизнь, как-то вдруг изменило моё восприятие мира: движения стали плавными и осторожными, словно я боялась спугнуть что-то очень хрупкое и ценное. Я то и дело невольно прикладывала ладонь к животу, хотя он пока оставался совершенно плоским.

По дороге Эрвин продолжил:

— Я ведь уже рассказывал тебе, что планирую вместе с семьёй переезд в столицу. В связи с этим возникает ряд трудностей. В первую очередь, это связано с тем, что у нас трое маленьких детей, причём в довольно шибутном возрасте. Няня, которая сейчас помогает Берте, моей жене, переехать с нами не может — у неё тут своя семья, муж, дети, и она очень привязана к этому месту. Поэтому нам скоро понадобится помощница, которая сможет быть рядом с моей женой, помогать по дому. В первую очередь — присмотреть за детьми, пока Берта занимается хозяйством. Возможно, где-то нужна будет помощь на кухне, уборка, стирка. Мы не можем себе позволить большой штат слуг, но можем предоставить тебе полное питание и жильё. Наш новый дом в Паркансе довольно большой, и выделить тебе отдельную комнату нам не составит труда. Ты ведь всё равно планировала остаться в Руанде? Вот и возможность для тебя. Помимо полного пансиона, когда мы устроимся на новом месте и я вступлю в должность, я смогу платить тебе небольшую, но стабильную зарплату.

Я молчала, переваривая его слова. Предложение было более чем щедрым, но меня смущал один момент.

— Но я же беременна, Эрвин. Как отнесётся твоя жена к такой... прислуге?

— Мне не нравится слово «прислуга», — поморщился он, словно от кислого лимона. — Помощница по дому — это

ближе по смыслу. Ты не служанка, ты член нашей маленькой команды. А про твоё положение я всё объяснил Берте. Она не против, более того, она сама настаивала на том, чтобы пригласить тебя. Но, конечно, хочет сперва лично с тобой познакомиться, пообщаться.

Я была несколько озадачена и, честно говоря, побаивалась не понравиться Берте. Мало ли что она подумает про наши отношения с Эрвином? Хотя ни у меня, ни у него даже в мыслях не было заходить дальше дружеских, но со стороны могло показаться иначе. Беременная девушка, которую муж приглашает жить в свой дом... Злые языки найдут, что сказать.

Когда мы вошли во двор маленького одноэтажного домика с белыми ставнями и крыльцом, увитым плющом, из двери вдруг с громким воплем вылетели двое трёхлетних мальчишек. Они неслись на всех парах, размахивая руками, и с криками «Папа! Папа!» повисли на ногах Эрвина — каждый на своей ноге, обхватив его колени маленькими ручонками. Таким образом, с отягощением на ногах, доктору пришлось буквально переступать через порог, улыбаясь при этом во весь рот.

В доме нас уже встречала светловолосая улыбчивая женщина. Немного полноватая, с круглым добрым лицом и румяными щеками, Берта была какая-то вся мягкая и уютная, словно домашний плед. Она тут же пригласила нас к уже накрытому столу, куда и направился Эрвин, успев по дороге пе-

реодеться и умыться. На него тут же вскарабкались не только пацаны, но и пятилетняя девчушка, такая же светловолосая, как мать, с большими голубыми глазами и длинными косичками.

— Дети, дайте папе спокойно поесть! — строго, но без злобы велела хозяйка дома. — Поиграйте пока в детской!

Дети послушно, хоть и с недовольным бурчанием, отправились к себе в комнату, по дороге толкаясь и шёпотом споря о чём-то.

Еда на столе была без изысков, которыми нас баловали в дорогом элитном санатории, но очень вкусной, домашней, пахнущей теплом и заботой. Свежий хлеб, ароматный суп, запечённая рыба с овощами, компот из местных фруктов.

— Вы сами готовите? — удивилась я, пробуя нежный пудинг на десерт. — Как же вы всё успеваете с тремя детьми?

— Пока мне помогает Марта, — со вздохом ответила Берта, вытирая руки о передник. — Она приходит несколько раз в неделю, помогает с готовкой и уборкой. Но скоро нам уезжать, и я не знаю, как буду справляться со всем. Ещё и переезд этот, и дом там гораздо больше, целых два этажа.

— Дорогая, я рассказал Алисе о нашем предложении, — сказал Эрвин, отставляя тарелку.

— Вы согласны? — с надеждой посмотрела на меня Берта, её глаза блестели от ожидания.

— Ваш муж сказал вам, что я... — начала я, заикаясь, и не решилась продолжить.

— Что вы ждёте малыша? Да, конечно! — Берта тут же положила мне на руку свою тёплую ладонь. — Я не думаю, что в этом будет какая-то проблема. Я не позволю вам носить тяжести или делать что-то, что может повредить вам и ребёнку. Для этого мы найдём другого человека, помощника по хозяйству. Мне просто нужна помощница, которая всегда будет под рукой, сможет наладить контакт с моими сорванцами, погулять с ними, почитать сказки.

— Они такие милые! — воскликнула я, глядя на дверь в детскую, откуда доносился весёлый гам.

Мальчишки и правда были забавные. Непоседливые, шумные, непосредственные и живые. И девочка, гораздо более тихая и скромная, чем её братья, с задумчивым взглядом и тихим голосом, мне тоже очень понравилась. Весь этот дом дышал теплом и любовью, и источником этого ощущения, как я уже поняла, была его хозяйка.

— Мне очень у вас нравится, — честно ответила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы от умиления. — И я готова принять ваше предложение. Но пока у меня контракт с баронессой, и он закончится где-то через неделю.

— Вот и замечательно! — радостно хлопнула в ладоши Берта. — Мы переезжаем как раз через две недели. Правда, жить у нас тут пока негде — это в новом доме будет много свободных комнат, а пока, как вы видите, мы сами обитаем в тесноте.

— Да не в обиде, — продолжила я с улыбкой. — Это не

страшно. Как я сказала, ещё неделю я живу в санатории с клиенткой, а потом на неделю могу снять жильё где-нибудь неподалёку от вас, чтобы начать знакомиться с детьми и помогать вам с сборами.

— Соседи как раз сдают комнату, — оживился Эрвин. — Я уточню у них, если не против.

Так я нашла для себя новую работу и для нас с малышом кров на ближайшее время. А там посмотрим. Приеду в Парканс, осмотрюсь, может быть, найду какой-нибудь приемлемый вариант, даже если придётся менять работу. Но мне бы очень не хотелось этого — семейство Донелли мне очень нравилось, и я чувствовала, что здесь меня примут такой, какая я есть.

Вернувшись в санаторий, я рассказала про предложение доктора Маше, чем несказанно порадовала её. Женщина почему-то чувствовала себя ответственной за меня и очень переживала о том, как же я справлюсь одна с малышом, без поддержки родственников.

— Доктор — хороший человек, он не даст тебя в обиду! — говорила она, обнимая меня. — И жена его добрая, я чувствую. Всё будет хорошо, Алиска.

А я подумала о том, как много хороших людей стало встречаться на моём пути с тех пор, как я перестала быть графиней. Люди, которые на протяжении всех этих непростых для меня лет поддерживали меня, помогали мне, не требуя ничего взамен. Силыч с Бориской, подобравшие моё

почти бездыханное тело на берегу моря. Агата и фельдшер Палыч на корабле, которые выходили меня. Доктор Семён Степанович и настоятельница Прасковья в монастыре, давшие мне приют. Мастер в Школе, увидевший во мне потенциал. Алевтина на кухне княжеского дворца, подкармливавшая меня вкусными пирогами. Я была безумно благодарна всем этим людям и понимала, что за всю жизнь вряд ли смогу отплатить им за их доброту и участие.

Что-то я прям расчувствовалась. Беременность, похоже, интересно влияет на моё эмоциональное состояние — слёзы подступают по любому поводу. Ещё бы не вспоминать всё время про папочку моего ребенка. Иногда я ещё переживала за Ромку. Хотя мы с ним и расстались, всё же не чужой он мне человек. Как он там? Как пережил наш разрыв? Не винит ли себя? Может, стоит написать ему... Нет, не стоит. Пусть живёт своей жизнью, забудет меня. Так будет лучше для него.

Олег Матвеевич приехал, как и обещал, через неделю. Маша прыгала от счастья, как ребёнок, а я переехала к соседям доктора Донелли. У них действительно была свободная комната, чистая и уютная, которую они с удовольствием сдали мне на неделю. Машенька, при поддержке Олега Матвеевича, долго уговаривала меня остаться с ней в санатории до отъезда, но я отказалась, заявив, что необходимо начать понемногу знакомиться с будущими работодателями, а точнее — с их детьми. На самом деле мне не хотелось мешать

Машиной идиллии с мужем. Они очень соскучились друг по другу, и моё присутствие могло им только мешать. Мой аргумент оказался весьма весомым, особенно для Маши, и меня отпустили с богом, взяв предварительно обещание, что мы ещё будем встречаться, пока я не уеду в столицу.

Олег Матвеевич щедро расплатился со мной, и я так подзреваю, тому способствовало не отменное выполнение моих обязанностей, которых, скажем честно, было не так уж и много, а просьба его супруги. Я не стала отказываться — теперь я думаю не о себе и своей гордости, а в первую очередь о ребёнке. Ему нужны будут питание, одежда, забота, а это всё стоит денег.

Назначенные целителем капли облегчали мне столь неприятную вещь, как токсикоз. Хотя и не совсем снимали тошноту, но хоть как-то помогали снизить некомфортные ощущения. Но я всё равно ела плохо, несмотря на качественное питание, и, кажется, начала худеть, теряя немногие килограммы, набранные за предыдущий месяц. Меня это не очень расстраивало, поскольку теперь-то я помнила, какой пампушкой была всего шесть лет назад, и мне совсем не хотелось возвращаться к тому состоянию. И если до этого я держала форму ещё и за счёт активных тренировок, то теперь эту активность пришлось существенно снизить. Я делала только те упражнения, которые мне рекомендовал доктор, и в качестве активности предпочитала долгие прогулки на свежем воздухе.

Машенька больше не составляла мне компанию в этих прогулках, предпочитая всё время проводить с мужем. Я только радовалась за неё, тем более что сейчас мне хотелось быть наедине с собой и своими мыслями. Мысли о малыше постепенно вытесняли из моей головы мысли об Инваре. Хотя, конечно, не совсем. Иногда, по ночам, я всё ещё просыпалась от кошмаров, где видела его лицо, его холодный взгляд. Но днём, когда солнце светило ярко, и я чувствовала, что внутри меня растёт новая жизнь, мне становилось легче. Психологически я успокаивалась, несмотря на неопределённость моего будущего и явно ожидаемые сложности.

Как и говорила Маше, переехав к соседям Донелли, я начала понемногу знакомиться с детьми Эрвина и Берты. Пока я приходила к ним как гостя, не особо навязывая своё общение. Приносила вкусности — домашнее печенье, которое научилась печь у Берты, маленькие подарки вроде необычной ракушки или красивого гладкого камня, найденных мною во время прогулки по пляжу.

У детей такие подарки вызывали неподдельный восторг. Правда, иногда возникали скандалы и даже драки за владение новой игрушкой, но я предложила очередность, когда красивый камешек переходил по очереди от одного владельца к другому. Дети быстро усвоили правило и стали соблюдать его, хоть и с некоторым скрипом.

Пока Эрвин был на работе, мы с Бертой иногда вместе выгуливали детей, выходя впятером на песчаный пляж, где мы

с малышами строили замки и крепости из песка. Мальчишки с азартом таскали воду в вёдерках, а Верена аккуратно лепила башенки и украшала их ракушками. В плохую погоду сидели дома и мастерили кукольный домик из картонной коробки для Верены или кареты и вагончики из того же картона для Кевина и Орина. Мальчики, кстати, вполне охотно подключались к играм с кукольным домиком, придумывая для кукол разные приключения, а Верена с интересом играла с каретами и поездами, устраивая целые железнодорожные станции.

Ещё одной любимой игрой Верены была игра в доктора. Тому немало способствовали различные атрибуты, предоставленные папой — старенький стетоскоп, какие-то пустые пузырьки из-под микстур, бинты. Градусник мы нарисовали и вырезали из остатков картона. Близнецы обычно были пациентами юной целительницы, но пациенты были уж больно непоседливые и ни в какую не соглашались лежать в кроватях, норовили сбежать. Поэтому приходилось переключаться на куклу и плюшевого мишку. Эти пациенты были гораздо покладистее братьев и позволяли себя лечить, слушать сердце и мерить температуру.

Неделя до отъезда прошла быстро, пролетела как один миг. Пока я отвлекала малышей, Берта с помощью Марты упаковывала вещи и отправляла их службой доставки в столицу. С собой в поезд мы брали только самое необходимое на первое время, пока не привезут основные вещи.

Я достаточно легко сблизилась с семейством доктора, хотя с самим Эрвином мы практически не пересекались — перед увольнением у него было много работы, дела, прощальные встречи с коллегами, и домой он возвращался поздно, когда малыши уже спали, а я уходила в свою комнатку в доме их соседей.

Переезд, конечно, был хлопотным и беспокойным. Я, как могла, занимала играми малышей в дороге, но что такое трое детей в таком возрасте, закрытых в замкнутом пространстве поезда? Если не знаете, то вам повезло.

Они бегали по вагону, скакали, везде пытались залезть — на полки, под столы, в соседние купе. Знай, успевай вылавливать летящего с верхней полки мальчишку или вытаскивать из чужого купе очень общительную и любопытную девочку. К концу первого дня пути дети перезнакомились со всеми пассажирами вагона, нашли себе шестилетнего друга в одном из купе. Все перемазанные в конфетах, которыми их угощали сердобольные тётеньки, они пытались оставлять шоколадные отпечатки на окнах и перилах вагона. Хорошо, что на троих детей у нас было трое взрослых, и возможных неприятных последствий нам удавалось избежать.

Спасало также то, что с нами ехал целитель, и за ценную помощь, вроде снятия головной боли или лечения простуды, соседи готовы были терпеть всё это безобразие.

Когда мы, наконец, выгрузились из кареты, которая везла нашу весёлую компанию от вокзала до дома, я ахнула. Дом

и правда был большой. Кирпичный, двухэтажный, с высокими окнами и крыльцом под кованым навесом, это был скорее небольшой особняк, чем просто дом. Рядом с домом был сад — не очень большой, но с яблонями, вишнями и цветниками, и детям будет где играть, с удовольствием отметила я про себя.

Когда же я повернулась к Кевину, чтобы взять малыша за руку, то вдруг заметила, что топорщившаяся на нём рубашка подозрительно шевелится.

— Что это у тебя? — спросила я ребёнка, осторожно отодвинула ворот рубашки и охнула.

Из-за расстегнувшегося ворота на меня смотрели два больших, удивлённых глаза с крошечной серой мордочки. Котёнок, а это был именно он, был совсем ещё маленьким, от силы пара недель от роду. Какой-то весь замызганный, со слипшейся шерсткой, несчастный, потревоженный в своём уютном тёплом мирке за пазухой Кевина, он жалобно запищал, тоненько и протяжно. Берта с Эрвином тоже заметили звереныша.

— Вот и кошка, которую надо запускать в новый дом первой! — тут же сообщила Берта, протягивая руки к котёнку. — Это старая примета, чтобы в доме было счастье.

Так у нас появился Арчи, который всё же оказался не кошкой, а котом. По поводу имени, впрочем, имел место небольшой конфликт. Верена хотела назвать котёнка Мурзиком, а мальчишки — Арчибальдом. В итоге решили, что Мурзик

— это будет фамилия, а имя Арчибальд сократили до Арчи. Получилось Арчибальд по фамилии Мурзик — звучало забавно и благородно.

Конечно, первым делом котёнка пришлось отмыть в тёплой воде. Когда его отмыли, котенок оказался вовсе даже не серым, а ярко-рыжим.. Мы также обработали гноящиеся глазки какой-то мазью, предоставленной Эрвином, и напоили его молочком из пипетки — сам он пока не умел лакать и тыкался мордочкой в блюдце, фыркая и чихая. Котёнок оказался на удивление ласковым и быстро освоился, начав ходить за нами хвостиком, словно маленькая рыжая тень.

Дом изнутри также порадовал большим количеством вполне просторных комнат, высоких потолков и светлых окон. Раньше Донелли занимали две комнаты — в одной жили дети, в другой — родители. Теперь же Верене была предоставлена отдельная от близнецов спальня, светлая и уютная, с видом на сад. А также была выделена довольно просторная комната мне, с кроватью, шкафом и письменным столом. Причём находилась она недалеко от дополнительного входа в дом через заднее крыльцо, что мне очень понравилось.

Конечно, никого приводить к себе я не собиралась, но возможность входить и выходить из дома, не привлекая дополнительного внимания, для меня оказалась существенным бонусом. Видимо, сказывалось прошлое спецаргента — привычка иметь пути отступления.

В следующие выходные за завтраком Эрвин вдруг спро-

сил меня:

— Алиса, как ты смотришь на то, чтобы приобрести медицинскую профессию?

— Это как? — озадачилась я, отставляя чашку с чаем.

— При больнице, где я теперь работаю, есть небольшой учебный центр. Там проводят курсы медсестёр, помощников целителей и других медицинских специалистов среднего звена. Правда, на помощника целителя просто так не берут — надо хотя бы пройти курсы медсестёр, чтобы получить базовые знания и навыки. Следующий набор на курс медсестёр, на котором начнётся обучение в сентябре, уже идёт. Ты хотела бы поучаствовать?

Я задумалась. С одной стороны, это была отличная возможность получить профессию, которая всегда пригодится. С другой — беременность, ребёнок, хватит ли сил и времени?

— Но... а как же моя работа? Ну, вашей помощницей?

— Курсы вечерние, занятия проводятся по вечерам и в выходные дни. Они рассчитаны на учёбу без отрыва от работы. Так что, я думаю, мы сможем как-то регулировать твою занятость в зависимости от расписания занятий.

— А сколько времени длятся курсы? — спросила я, невольно прикоснувшись к животу. Вряд ли роды и новорождённый малыш позволят мне учиться.

— Полгода. Ты как раз успеешь до родов, — обрадовал меня Эрвин. — А после родов, если захочешь, сможешь про-

должить.

— Я бы... попробовала, — несмело пробормотала я, чувствуя, как внутри разгорается огонёк интереса.

— Да это ж прекрасная возможность обрести полезную профессию! — обрадованно воскликнула Берта, хлопая в ладоши. — Конечно, иди, записывайся! Я буду только рада помочь.

Так я и начала своё обучение на медсестру. И пусть впереди меня ждали бессонные ночи, экзамены и практика, я чувствовала, что делаю правильный выбор. Впервые за долгое время у меня появилась цель, не связанная с выживанием или бегством от прошлого. Я училась не просто так — я училась для своего будущего, для своего ребёнка. И это было самое важное.

Глава 6

Инвар

Инвар с Евгением прибыли в женский монастырь рано утром. Ну, им так казалось — рано утром. Судя по тому, что во дворе монастыря уже всю кипела работа, тут утро началось задолго до рассвета. Женщины в простых и практичных платьях из грубой ткани подметали двор длинными метлами, носили тяжёлые корзины с продуктами из только что заехавшей во двор телеги, таскали вёдра с водой из колодца. Воздух был наполнен запахами свежего хлеба из пекарни, трав из сада и чего-то неуловимо домашнего, уютного.

У массивных деревянных ворот их встретила пожилая монахиня в чёрном платье с покрытой апостольником головой. Лицо у неё было строгое, морщинистое, но глаза — живые и внимательные. Она окинула посетителей оценивающим взглядом и спросила:

— Здравствуйте, молодые люди! Что вас привело в наш монастырь и чем я могу вам помочь?

Вопрос был очень вежливым, но в глазах монахини явно читалось: "Чего припёрлись? Вам тут не место! Мужиков ещё не хватало с утра пораньше".

— Здравствуйте! — поздоровался Инвар, стараясь говорить как можно проще, без княжеских интонаций. — Мы хотели бы увидеть послушницу Осанну.

— Нет тут такой! — резко ответила монахиня, и её губы сжались в тонкую нитку. — И вообще, без разрешения настоятельницы встречи с обитателями монастыря запрещены! У нас закрытое заведение, не базар.

— А могли бы мы встретиться с настоятельницей? — тут же вклинился Петровский, понимая, что ситуация заходит в тупик.

— Как мне вас представить? — спросила монахиня, поджав губы и доставая из кармана передника маленькую записную книжку.

— Петровский Евгений Михайлович, — ответил Евгений и добавил с лёгкой запинкой, — с... другом. Иваном.

Монахиня что-то записала, кивнула, велела им ждать тут же у ворот, под навесом, и удалилась лёгкой, почти неслышной походкой.

Ждать им пришлось довольно долго — минут сорок, не меньше. Солнце уже поднялось выше, стало припекать. Инвар нервно ходил вдоль стены, то и дело поглядывая на часы, расположенные на одной из башен монастыря. Друзья уже думали, что про них забыли, когда монахиня всё же вернулась и велела им идти за ней.

Они прошли через большой двор, мимо сада с яблонями и вишнями, мимо прачечной, откуда доносился плеск воды и женские голоса, и поднялись по широкой деревянной лестнице на второй этаж главного корпуса. В кабинете, куда их привели, за большим дубовым столом сидела маленькая, со-

всем уже немолодая женщина с покрытыми темным платком волосами. И это смотрелось несколько абсурдно — она выглядела как ребёнок за столом для взрослых, ноги её даже не доставали до пола. Но когда женщина взглянула на них, такое ощущение сразу пропало. В её взгляде — глубоко, спокойном и мудром — сразу чувствовался сильный характер и несгибаемая воля.

— Здравствуйте, дорогие (надеюсь) гости! — её голос был мягким, но в нём слышались стальные нотки. — Кто вы такие и чего вы хотели тут, в женском монастыре? У нас довольно закрытое заведение, и посторонние, а тем более мужчины, тут не приветствуются. Мы не принимаем посетителей без предварительной договорённости.

— Простите, матушка, — взял на себя первую скрипку Евгений, выступая в роли официального представителя. — Я — Петровский Евгений Михайлович, а это — мой помощник Иван. Я управляю службой безопасности в доме князя Вяземского. Ваша послушница, Осанна, была свидетелем в деле о попытке покушения на жизнь невесты княжича, и мне хотелось бы задать ей несколько вопросов о том инциденте. Это важно для расследования.

— Осанна? — удивилась настоятельница, её брови приподнялись. — Но почему вы ищете её тут?

— Ну как же, — развёл руками Инвар, не выдержав. — Ведь в этом монастыре она жила перед тем, как согласилась стать компаньонкой Инессы Ярославской. Мы полагали, что

после того, как необходимость в её услугах отпала, она сюда же и вернулась. Логично же?

— Вы довольны о многом осведомлены... — сказала задумчиво матушка Прасковья, внимательно глядя на Инвара. — Очень осведомлены для простого помощника.

Вдруг в дверь постучали, и в ответ на разрешение войти в кабинете появилась уже знакомая им монахиня:

— Матушка, прибыл ваш брат и просит встречи с вами. Срочное дело, говорит.

— Андрюша? Пусть войдет, — кивнула настоятельница.

— Простите, наверное, мы не вовремя, — сказал Петровский, начиная подниматься со стула. — Мы готовы подождать в коридоре...

— Нет-нет, оставайтесь, — махнула рукой матушка Прасковья. — Вам всё равно скоро придётся столкнуться с моим братом.

В этот момент широким шагом в кабинет сестры вошёл Мастер — высокий, широкоплечий мужчина с седыми висками и пронизательными глазами. Он был одет в простой, но дорогой костюм, и держался с уверенностью человека, привыкшего командовать.

— Здравствуй, сестрёнка, — тепло поздоровался он, целуя настоятельницу в щёку.

— Андрей Петрович? — удивлённо воскликнул Инвар, невольно выпрямляясь.

— Ваша Светлость? — не менее удивлённо отозвался Ма-

стер, узнав княжича под гримом. — А вы что тут делаете? В таком... необычном виде?

Поскольку Баев был хорошим другом его дяди, графа Пинского, Инвар несколько раз встречался с ним на различных мероприятиях и в принципе знал, чем тот занимается — руководит некой специфической школой, о которой лучше не распространяться.

— А они, Андрюша, Осанну ищут, — вдруг заложила их настоятельница с абсолютно невинным видом.

— Осанну? — ещё больше удивился Мастер, его глаза сузились.

Петровский, представившись Андрею Петровичу, повторил легенду о причине их появления в монастыре и о том, зачем им вдруг понадобилась Осанна. Рассказывал он складно, убедительно, но Инвар видел, что Мастер ему не верит — слишком хорошо этот человек умел читать людей.

— Вы с ней знакомы? — спросил Инвар Мастера, решив перейти к открытой игре.

— Да, она училась в моей Школе, — решил тот не скрывать этот факт. — Закончила с отличием, кстати.

По большому счёту, скрывать что-то от Инвара не было смысла: Мастер знал, кем тот является и где работает. В управлении Инвара служило немало выпускников Школы. Скрывать от генерала участие Осы в последнем задании также не имело смысла — там не было ничего суперсекретного или незаконного, обычная работа.

— Но как же она у вас обучалась? — удивился Евгений.

— Она же слепая! Как она могла осваивать программу, требующую визуального контроля?

— Да, но после потери зрения у девушки раскрылся новый, особый талант, — объяснил Мастер, садясь на край стола и скрещивая руки на груди. — Она видит без использования глаз.

— Это как? — выдохнул Инвар, чувствуя, как волосы на затылке шевелятся.

— У девушки есть способности к ясновидению, — объяснил Мастер спокойным тоном, словно рассказывал о погоде. — Мы помогли ей немного развить их. Она не только может видеть окружающее без использования глаз, но и видит через преграды. Например, то, что происходит за стенкой, за закрытой дверью. Она может прочесть письмо, не вынимая его из конверта. Определить скрытые повреждения в теле человека, внутренние кровотечения, переломы. Собственно, так и обнаружили эту её особенность. В больнице, в которую она попала после того, как её нашли на берегу моря с серьёзной травмой головы, девушка смогла диагностировать пару случаев. Просто увидела то, что находится внутри человека. Двойню в животе роженицы, которую обычные целители не заметили. Железный болтик в пищеварительной системе ребёнка, который тот проглотил. Тогда эти проявления способностей были неуправляемыми, спонтанными — она сама пугалась того, что видит. Мы научили её пользоваться свои-

ми способностями осознанно, включать и выключать их по желанию. Конечно, ей ещё многому желательно учиться, но в целом она вполне справляется и с незрячими глазами. Более того, она видит даже лучше, чем многие зрячие.

— Вот как! — выдохнул ошарашенный Инвар, пытаясь осмыслить услышанное. Осанна — ясновидящая? Та самая тихая, скромная девушка, которая пряталась за повязкой на глазах?

— Поскольку Осанна училась в вашей Школе, означает ли это то, что она хорошо владеет различными способами маскировки? — решил уточнить практичный Евгений.

— Да, конечно, — подтвердил Мастер. — Маскировка, грим, актёрское мастерство, изменение походки, голоса, манер — всё это у нас входит в программу обучения. Она одна из лучших выпускниц в этом плане. Может сыграть кого угодно — от нищенки до королевы.

— Понятно... — задумчиво пробормотал Петровский, и Инвар увидел, как в глазах друга складывается определённая картина.

— Где она сейчас, вы знаете? — нетерпеливо спросил Инвар, подаваясь вперёд.

— Нет, она закончила обучение и полностью его оплатила, — ответил Мастер, избегая смотреть прямо в глаза. — Теперь она абсолютно свободна и может находиться где угодно.

Мастер сказал полуправду. Да, он знал, где она сейчас —

в Руанде, в санатории. Но Оса перед отъездом очень просила его никому про это не рассказывать, и он решил по возможности выполнить своё обещание молчать.

— Может быть, в Школе у неё остались какие-то друзья, кто-то близкий, кто мог бы сказать, где она сейчас? — продолжал закидывать вопросами Мастера Инвар, не желая сдаваться.

— У неё есть подруги, две её бывшие соседки по комнате — Полина и Елизавета. Но они тоже выпустились из Школы и где они сейчас, я не в курсе. Ну и Рома ещё...

— Рома? Что ещё за Рома? — вскинулся княжич, чувствуя, как внутри закипает непонятное раздражение.

— Наш Рома? — уточнила Прасковья, переводя взгляд с брата на Инвара.

— Да, наш племянник, сын нашего двоюродного брата, — кивнул Мастер. — Они с Осой дружили практически всё время её обучения. Он помогал ей, поддерживал, они были практически неразлучны. И собирались пожениться после её выпуска.

Инвар сам не заметил, что с силой сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Его очень заинтересовал этот будущий "покойник" Рома. Жених? Для Осанны? Какой-то неизвестный племянник Мастера?

— Они... поженились? — спросил он хрипло, пытаясь не выдать своего волнения и навалившейся вдруг тяжести в груди.

— Я не знаю, — пожал плечами Мастер. — Рома уехал из Школы за пару дней до того, как её покинула Оса. Что они решили — я не в курсе. Мне он ничего не рассказывал. Просто принёс заявление об увольнении — он у нас подрабатывал куратором младших курсов — и сразу же уехал куда-то. Сказал, что по личным делам.

— Как зовут этого Рому полностью? — спросил практичный Петровский, доставая блокнот.

— Роман Сергеевич Баев, — ответил Мастер, с интересом наблюдая за реакцией княжича.

Когда они с Евгением покидали монастырь и садились в карету, Инвар кипел от злости и ревности. Какой-то Рома! Племянник Мастера! Жених Осанны! Он представлял себе этого Рому — молодого, красивого, сильного, который был рядом с Осанной всё время её обучения, который помогал ей, поддерживал... И теперь этот Рома где-то рядом с ней?

Петровский, наблюдая за другом, задумчиво сказал:

— Лучше бы ты и правда в простую слепую монашку влюбился, честное слово! Ты понимаешь, что с её способностями к маскировке, если она сама не захочет, чтобы её нашли, мы её вряд ли найдём? Она может оказаться не только слепой монашкой, мальчишкой-беспризорником, но и бабушкой, торгующей вязаными носками на рынке, или содержанкой какого-нибудь графа.

Инвар вскинулся, настолько его взбесило последнее предположение. Содержанкой? Осанна? Та самая девушка, кото-

рая отказалась от него, гордая и независимая?

— Впрочем, про содержанку — это вряд ли, — тут же добавил Петровский, видя реакцию друга. — Не тот у неё характер. А вот сыграть какую-нибудь аристократку, я думаю, ей не составит особого труда. С её-то способностями.

— Жень... — Инвар повернулся к другу, его глаза горели решимостью. — Давай найдём этого Романа. Вдруг она... с ним. Вдруг он знает, где она.

— Хорошо, — кивнул Евгений. — Сегодня же, как приедем в Приморск, свяжусь с коллегами из столицы и попрошу о помощи в поисках. Попрошу, чтобы подняли все записи о перемещениях, проверили постоянные дворы, трактиры. Если он где-то засветился, мы его найдём.

Задумчиво постучав пальцами по дверце кареты, Евгений повернулся к Инвару:

— Ну и куда мы теперь?

— Поехали в имение Домбровских, — твёрдо ответил Инвар. — Надо всё же найти мою жену. Настоящую жену. Александру. Может быть, в имении остались какие-то зацепки. Письма, документы, что-то, что поможет понять, кто она на самом деле.

Петровский вздохнул: перспектива трястись ещё три дня в карете его не радовала. Но он видел, что спорить с княжичем бесполезно — тот уже принял решение.

— Поехали, — сказал он. — Разберёмся по ходу.

Карета тронулась, и они отправились в имение Домбров-

ских, даже не подозревая, какие сюрпризы их там ждут.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.